

БОРИС ТЕРЕХОВ

КОТ СЕМА

Лучшего председателя ревизионной комиссии история садоводческого товарищества «Родник-5» не знала. Мягкий и обходительный, но вместе с тем ответственный и честный — и это все о нем, о Семене Карловиче. За такие уникальные человеческие качества ему даже на последнем отчетно-выборном собрании садоводческого товарищества пересчитали ребра.

Но, несмотря на добродетели Семена Карловича, найти подходящую работу — должность председателя ревизионной комиссии в товариществе на общественных началах — ему долго не удавалось. Помог счастливый случай: в районной газете он натолкнулся на объявление, что в Третьяковскую галерею срочно требуется солидный кот приятной наружности. Поразмыв, опустился на четвереньки и отправился в отдел кадров музея, благо музей был поблизости. Лучшей кандидатуры на данную вакансию не нашлось — народ приносил котов хоть и натуральных, но все каких-то облезлых и неказистых.

Так Семен Карлович и стал работать котом по кличке Сема в Третьяковской галерее. Только вот денег за свои труды он не получал, что, кстати, имело определенные плюсы — освобождало от уплаты налогов. Зато были чаевые, особенно щедрые от иностранцев. Им нравилось, как он изгибает спину, мяукает, трется об их ноги, порой и лижет — как правило, у молодых симпатичных женщин. Иностранцы улыбались, фотографировались с ним, угощали сладостями и одаривали валютой.

Но были и неприятные обязанности — например, ловля мышей. Ну не умел он этого, хоть убей! Действительно, поди поймай мышь голыми руками! Приходилось хитрить, потихоньку использовать мышеловки — так, чтобы никто не заметил.

Отдельно надо сказать о том, что Сема испытывал симпатию к экскурсоводу Ларисе Петровне — одинокой пикантной особе под сорок. И однажды, набравшись смелости, предложил ей вечером встретиться.

— Я девушка передовых взглядов, но у меня принцип: с котами на свидание не ходить, — смерив его взглядом, высокомерно ответила та.

— Это на службе я кот, Лариса Петровна, а в обычной жизни я нормальный мужчина.

— Ой, не знаю. Кот — он и в Африке кот.

— Позвольте, если бы я был котом, то как бы меня выбрали председателем ревизионной комиссии садоводческого товарища?

— Ну и что, Сема? Вот в городе Шарон, штат Висконсин в США, жители выбрали мэром кота Фредди, но от этого он не стал человеком, — резонно возразила Лариса Петровна; она была очень образованна — окончила институт культуры.

Минуло три месяца, и коллектив Третьяковской галереи был ошарашен новостью: некая американка завещала на содержание музейного кота Семы несколько миллионов долларов. Не было предела счастью кота и удивлению сослуживцев.

Он долго прикидывал — кто бы это мог быть? Откуда взялась эта благодетельница? Наконец его осенило. Год назад он ошибся, приняв пожилую даму, недавно сделавшую пластическую операцию, за молоденькую девушку — ну и полизал ее где-то. (Черт, с кем не бывает?!) Это, видимо, произвело на даму неизгладимое впечатление и понудило написать на него завещание.

На следующий день в перерыве между экскурсиями к нему подошла Лариса Петровна.

— Я не сторонница служебных романов, но ради вас, Семен Карлович, готова сделать исключение, — сказала она. — Я согласна стать вашей кошечкой. Мяу.

Сема всерьез задумался. С одной стороны, Лариса Петровна ему нравилась, но, с другой стороны — на сегодня это было уже седьмое подобное предложение от знакомых и незнакомых женщин. Дилемма не для кошачьих мозгов. Чтобы скрыть свое замешательство, он поднял штанину и, опустившись на пол, принялся зубами ловить скачущую по ноге блоху.

АНАТОЛИЙ МЕДВЕДЕВ

ДЕЛО — ТАБАК

— Антоша вечером приедет, — предупредил я ключницу Маланью. — Постели ему в правом крыле да на ужин петуха вели зарубить.

— А кто он, Антоша энтот?

Я пожал плечами. Почем я знаю? Тридевятый племянник на киселе. Сам не видал ни разу: никогда дальними родственниками не интересовался. Это матушка моя покойная да сестрица со всеми переписку вели, поддерживали, так сказать. Поместье же наше родовое — в глуши, далече от столичных забот, и я только изредка докладывал сестрице, как у меня дела. Да и чего писать? Про урожай, про опорос, про соседей? Скучно. Тоска. Но писал.

Антон прикатил к вечеру на извозчике. Молодой франт в черных очках. Даже в доме их не снял, так и ужинали. В разговоре оказался серьезен и колюч. Всех клял и начальство ругал матерно, не к месту сыпал учеными словами — нигилист, одним словом. На губах вечная ухмылка — правый уголок рта задран, левый опущен — рожа с рождения перекошенная и рябая, как поле одуванчиков. Сказал, что приехал познакомиться с богатой соседкой — молодой, в теле, но сиротой и слывущей чудовищем-полиглотом. В округе ее Цербершей прозвали, хотя она Настенькой была. Я про нее сестрице когда-то писал для потехи.

— Семь тысяч десятин! — восхищался Антон. — Ради них я готов жениться хоть на кляче.

А мне смешно и грустно одновременно. Не то чтобы у Настеньки кавалеров навалом — нет их вообще, но как столичный фронт уверен в себе!

— Средство у меня есть безотказное. — Антон полез в карман. — Табачок редкий. Давайте по трубочке за знакомство!

Закурили. По комнате поплыл сладкий аромат, смешно зашевелил ноздри. Настолько смешно, что я засмеялся вслух и сказал:

— А давайте прямо сейчас к ней нагрянем? По темноте, как черти!

— А давайте! — криво улыбнулся Антон.

— Только на лодке поплывем. Чтобы тихо. Ее поместье как раз ниже по течению, на том берегу.

Уж не знаю, как мы ту лодку выбирали, да только неудачно. Антон греб, а я лежал на дне лоханки и смотрел, как звезды водят хоровод. Мы плыли по Уклюйке, а в лодку сквозь щели сочилась вода. Рассохшаяся посуда затонула аккуратно у берега, так что Антон лишь промочил ноги, а я... Впрочем, дом был недалеко, и я не успел замерзнуть.

Мы громко смеялись над бьющимися от злобы псами и подняли всю округу. Прислуга проводила нас в гостиную, и там, в богатом кресле со львами-подлокотниками, словно на троне, сидела Настенька и смотрела на нас.

— Бонжур, джентльмены. Шокирована вашим ла визита ин дер нахт.

Меня невольно передернуло, но я сделал вид, что это от холода. Настенька обладала восхитительными контральто и декольте, но при этом была невероятно, просто сказочно косоглаза и криворожа. Антон снял темные очки, и два косых взгляда встретились где-то в углу.

— Господи, — одновременно выдохнули молодые люди. — Какая красивая... Какой красавец...

Они не замечали чужого уродства — его компенсировало собственное — и видели в другом само совершенство. Это как же они смотрели на обычных людей?

Потом курили ставший не столь уж и нужным Антошин табак, пили ром. Пили много, и дальнейшее вспоминается с трудом. Антон танцевал с Настенькой и бутылкой в руке под звуки музыкальной шкатулки, и все трое (если считать с бутылкой) не могли оторваться друг от друга. Они целовались, в какой-то момент Антон подхватил Настеньку на руки и закружил, а я сидел за столом в выданном взамен мокрой одежды персидском халате и не мог встать, чтобы уйти, — ноги не слушались. Чтобы не смущать молодых, я решил скрыться и надел на голову птичью клетку, предварительно выдавив у нее дно. Это оказалось удобно — через дверцу можно было пить и закусывать. Открыл, пригубил, закрыл. Закрывал быстро, ибо канарейка очень уж недобро нахохлилась на спинке стула напротив. Халат ли ее так насторожил? Тот петух тоже когда-то... Впрочем, не о нем речь.

Клетка помогла. Настенька что-то горячо шептала Антону на ухо, они совсем забыли про меня и, разбрасывая по дороге одежду, устремились в соседнюю комнату. Оба так истосковались по плотским утехам, что потеряли всякий стыд. Этой ночью они уснули только под утро. А я... Я напоил канарейку ромом...

Вскоро они обвенчались. Антоша угощал всех табачком, так что свадьба прошла с задором и непотребствами. Единственное — когда невеста подняла фату, все невольно протрезвели. Я все думал: если у них будут дети, то в кого они пойдут, на кого станут похожи? Не дай бог наследственность усилится. Они же в гости ко мне будут приходить — соседи и родственники как-никак. А я уже немолод, сердечко беречь пора. Переживаю.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

НА БЕРЕГУ

На берегу стояли двое.

Пейзаж не впечатлял. Небо затянули хмурые облака, напоминавшие огромные темные лоскуты с разлохмаченными краями. По морю размеренно катились унылые серые волны. Приближаясь, они обрастали шапками пены и увесисто ударялись о причальную стенку, словно проверяли ее на прочность.

— Скучно, Барт, — обратился тот, что повыше, к своему коренастому спутнику. — И так заняться нечем, да еще ты все время молчишь.

Барт отозвался не сразу.

— Что же тут странного, Рик? Может, ты считаешь, что такие развалины, как я, должны непрерывно брюзжать или травить байки?

— Да брось, старина, какая ты развалина? Еще ого-го! Но неужели тебе не надоело играть в молчанку? Вот раньше мы с тобой были загружены работой по самое не могу — тогда действительно не поболтаешь. Так ведь те времена давно позади.

— Вот именно, — с горечью произнес Барт. — Все лучшее осталось в прошлом. Впереди у нас не больше просвета, чем между этими треклятыми облаками. О чем говорить?

— О *них*, конечно, — не раздумывая ответил Рик. — О ком же еще?

— До сих пор вспоминаешь? — после небольшой паузы спросил Барт.

— А ты?!

На сей раз молчание было долгим и тягостным.

— Пытался забыть, — нехотя, будто слова из него вытягивали силой, ответил Барт. — Не получается...

— То-то и оно, старина. Разве такое забудешь? Слушай, никак не возьму в толк, почему *им* пришлось уйти? Говорили, что солнце взбесилось, но ведь это ерунда?

— Для нас — ерунда, для *них* — нет. Я знаю немногим больше тебя, но кое-что понял. Солнце не взбесилось, просто там пошли какие-то необычные реакции, и его лучи стали опасными. Такое случается очень-очень редко. Когда это началось, *они* поняли, что погибнут, если где-нибудь не спрячутся на время. Вот и спрятались...

Рик отрешенно разглядывал катящиеся волны.

— Мы с тех пор ни одного не видели, — сказал он. — Как по-твоему — *им* сейчас хорошо?

— Кто знает... Может, и хорошо. Но, я думаю, *их* должно тянуть обратно. Меня бы точно тянуло.

Рик перевел взгляд на Барта. Тот выглядел понурым, почти опустошенным — и все же не сломленным до конца.

— Слушай, старина! Если это так, то еще не все потеряно. Вон, гляди, какое небо — солнца не видать. Может, те реакции уже закончились... и оно снова тихое, смирное. Мы, понятно, этого знать не можем, но у *них* наверняка есть нужные приборы. И что, если...

— Постой, — взволнованно перебил Барт. — Глянь туда! Может, мне, старику, это чудится... Видишь?

Рик глянул. И увидел.

Слева от причала среди пенных шапок четко выделялось темное округлое пятнышко. Вскоре рядом с ним возникли еще два таких же. Пятнышки стали приближаться к берегу — и вдруг превратились в черные лоснящиеся фигурки.

— Так ведь это же... — Рик был настолько потрясен, что не смог закончить фразу.

— Дождались! — еще лаконичнее высказался Барт.

***

Обтянутые гидрокостюмами, как второй кожей, трое разведчиков ступили на прибрежную гальку и стали осматриваться.

— Вот это да... — замороженно произнес один. — Представить не мог, что увижу таких великанов. Кто они?

— Старинные машины, — проявил осведомленность второй. — Нам еще много таких встретится. И простых, и посложнее, а интереснее всех были искины. Может, и эти тоже?..

Но третий, старший в маленькой группе, оказался прагматиком.

— Повезло, — довольным тоном сказал он. — Нам теперь потребуется много металла, а тут его вон сколько! Надо посмотреть поближе.

И они, переговариваясь на ходу, зашагали туда, где возвышались Барт и Рик. Два огромных роботизированных порталных крана.

АЛЕКСАНДРА ОЛЬКОВА

СЮРПРИЗ

— Идиот!

Марина стояла перед ним в синих шлепанцах и розовом домашнем платье. Она не отрывалась от портативного голоэкрана, но глаза ее, обычно синие-синие, от гнева стали цвета ртути.

— Куда я тебя послала, а?!

— За хлебом, — отрапортовал он. — И однопроцентным кефиром.

— А ты что принес?!

— Кота.

— С улицы! Если бы я хотела кота, я бы заказала нового и горя не знала! — Марина обреченно взъерошила обесцвеченные волосы; на фоне окна она была похожа на одуванчик. — Что мне с тобой делать? Только из ремонта, а опять путаешь хлеб с котами, шампунь с цветами! Ладно, хоть GPS работает...

— Но люди любят котов. — Он протянул ей серого мохнатого зверюгу. — Я сделал этот вывод на основе контент-анализа миллиона статей. Настоящие коты вызывают выработку эндорфинов, а значит, делают людей счастливыми. Такова моя заводская установка.

— Он еще и настоящий? Он будет орать и разбрасывать шерсть, а я должна буду получать лицензию на право владения живым животным и платить налог? Ты это счастьем называешь? — Марина только глаза закатила. — Твоя установка — убирать и готовить, готовить и убирать, все!

Верно мама говорила: робот-пылесос купи да парня заведи! Нет, Марине андро-о-оида подавай...

Он молчал. Кот в механических, обтянутых синтетической кожей руках не смел и пикнуть. Марина лишь отмахнулась — она всегда делала это по-человечески изящно и небрежно.

На самом деле даже мастер толком не знал, что именно не так в стандартном помощнике. Перепрошивал его, чистил кэш и выдавал Марине как новенького. И тот вновь трудился, оправдывая себя и выведенную его заблудшей нейросетью аксиому: уборка уборкой, но человек должен быть счастливым.

Все началось со слова «сюрприз». Марина любила сюрпризы — в этом она призналась ему однажды вечером, просто так, за глупой болтовней. Тем не менее сюрпризы от него не приживались: часы, согласно суеверию, вызывали ссору, сладости мешали диете, теперь вот кот...

Но он не отчаивался, нет: такой функции у него не было. Машинный мозг был прекрасно знаком с теорией вероятности и благодаря ей знал, что однажды Марина станет наконец счастлива.

Счастлива.

Она должна. Быть. Счастлива.

***

— Ты слишком заботлив для робота-домохозяйки, — отрезала Марина, когда он снял пальто с ее плеч. — Куда ты дел кота?

— Спит.

— На моем костюме! Убери...

Она замерла с открытым ртом, только ступив в зал. Булка хлеба выпала из рук Марины, когда та увидела накрытый на двоих стол с настоящими свечами.

— Э-это...

— Я проанализировал твои недавние слова, общий пси-

хотип, переписку, диалоги с матерью и сопоставил данные с рекомендациями психологов, — поделился он, положив хлеб на книжную полку, — после чего подобрал наиболее подходящий для тебя сюрприз.

Марина сделала судорожное движение, но он не дал ей уйти.

— Еще, согласно моим расчетам, я люблю тебя.

Глаза у Марины стали серые-серые, но уже не от гнева, а от ужаса.

Вот только он этого не видел.

В конце концов, это один из классических людских сюрпризов! Что могло пойти не так?